

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.1'367.625:811.112.2'367.625

Поступила в редакцию 17.10.2017
Received 17.10.2017

Е. В. Алимпиева

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь

**ВИД ГЛАГОЛА И СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Несмотря на то что категория вида в современных грамматиках рассмотрена достаточно подробно, вопрос о категориальном содержании глагольного вида и смежных с ним способов глагольного действия по-прежнему считается одним из сложных вопросов в языкознании. Цель исследования – определить и проанализировать основные подходы к определению сущности категории вида глагола и способов глагольного действия как основных компонентов функционально-семантического поля аспектуальности, представляющего собой единое основание для сравнения языков с различной структурно-типологической организацией: русского и немецкого. Методологическую базу исследования составляют труды ведущих отечественных и зарубежных славистов и германистов в области аспектологии. Материалом для исследования послужила глагольная лексика корпуса параллельных текстов русской художественной литературы в переводе на немецкий язык. Основные методы – описательный, сравнительно-сопоставительный, аналитический, элементы количественных подсчетов. Рассматриваются и сопоставляются основные подходы к определению сущности категорий вида и способов глагольного действия в русском и немецком языках, определяются и анализируются содержание и доминирующие средства выражения данных категорий, устанавливается их взаимосвязь. Анализ различных авторских концепций и подходов к определению сущности и семантики категории вида и способов глагольного действия в сопоставляемых языках позволяет сделать вывод, что разное восприятие данных категорий способствует их сближению в направлении более конкретных определений их семантики и функций.

Ключевые слова: аспектуальность, вид, способы глагольного действия, комплексный подход, семантика, сопоставительное исследование, средства репрезентации

Для цитирования. Алимпиева, Е. В. Вид глагола и способы глагольного действия в русском и немецком языках / Е. В. Алимпиева // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 69–84.

E. V. Alimpiyeva

Vitebsk State P. M. Masherov University, Vitebsk, Belarus

**THE VERBAL ASPECT AND THE MANNERS OF VERBAL ACTION
IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES**

Abstract. Despite detailed consideration of the verbal aspect in contemporary grammars the issue of the categorical matter of the verbal aspect and the related manners of verbal action is still considered one of the most difficult in linguistics. The aim of the article is to find out and to analyse the main approaches to the definition of the categorical essence of the verbal aspect and the related manners of verbal action as the main components of the functional-semantic field of aspectuality as a single basis for comparing non-related Russian and German languages. The methodological basis of the research is works by outstanding home and foreign Slavists and Germanists in the field of aspectology. As actual material of our article we have used the verbs of parallel texts of Russian literature in translation into the German language. The main methods employed in the research are descriptive, comparative, analytical methods and elements of quantitative calculations. The article discusses and compares the main approaches to the definition of categories of the verbal aspect and the manners of verbal action in the Russian and German languages, it identifies and analyses the contents and the dominant means of expression of these categories, establishes their relationship. The analysis of different author's concepts and approaches to the definition of essence and the semantics of the categories of the verbal aspect and the manners of verbal action in the compared languages

leads to the conclusion that different perceptions of these categories contribute to their convergence towards a more specific definition of their semantics and functions.

Keywords: aspectuality, aspect, manners of verbal action, comparative study, complex approach, semantics, means of representation

For citation. Alimpiyeva E. V. The Verbal Aspect and the Manners of Verbal Action in the Russian and German Languages. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 69–84 (Russian).

Аспектуальность является универсальной категорией, представленной во многих мировых языках и вызывающей интерес у большинства отечественных и зарубежных исследователей. Данное направление в лингвистике, несмотря на свое относительно раннее формирование, по-прежнему является весьма актуальным. Современные исследования в области аспектологии ориентированы, в первую очередь, на изучение категории вида глагола, смежных с ней грамматических и семантических явлений, их взаимодействия и взаимосвязи с целью выявления их видовых и акционсартных особенностей.

К изучению категорий аспектуальности, вида, способа действия в славянских, германских языках, в том числе сопоставительному, в разное время обращались В. В. Виноградов, А. В. Бондарко, А. М. Пешковский, Ю. С. Маслов, А. В. Исаченко, Н. С. Авилова, М. А. Шелякин, Е. В. Петрухина, А. Г. Широкова, М. Я. Гловинская, А. Вежбицкая, С. Агрелль, А. Лескин, С.-Г. Андерссон, Э. Кошмидер, Г. Шлегель, В. Шмидт, И.-Э. С. Рахманкулова, М. Г. Гашкова, У. Швалль и другие ученые. В современном белорусском языкознании данной проблемой занимались А. В. Андреева, С. В. Коваленок и другие.

Актуальность исследования обусловлена неоднозначностью существующих подходов к определению сущности и взаимосвязи категории вида и способов глагольного действия.

Цель исследования – определить и проанализировать основные подходы к определению сущности категории вида глагола и связанных с ней способов глагольного действия как основных компонентов функционально-семантического поля аспектуальности, представляющего собой единое основание для сравнения языков с различной структурно-типологической организацией: русского и немецкого.

Материал и методы исследования. Методологическую базу исследования составляют труды ведущих отечественных и зарубежных славистов и германистов в области аспектологии. Материалом для исследования послужила глагольная лексика корпуса текстов русской художественной литературы в переводе на немецкий язык. Основные методы – описательный, сравнительно-сопоставительный, аналитический, элементы количественных подсчетов.

Результаты исследования и их обсуждение. Термины «вид/Aspekt» и «способ действия/Aktionsart» часто используются в аспектологической литературе как для описания славянских языков, так и для характеристики похожих явлений в неславянских языках. Ввиду того, что вид и способ действия, отражая различия в типах протекания и распределения действия, по своему смысловому содержанию соприкасаются друг с другом, данные термины долгое время использовались также в синонимичном значении, что привело к терминологической путанице в славянской и германской аспектологии. Прежде чем говорить о наличии в германских языках категорий, идентичных категориям славянского глагольного вида и способа действия, нам представляется необходимым раскрыть сущность данных категорий в славянских языках в понимании основных представителей славянской аспектологии (А. В. Бондарко, Ю. М. Маслова, А. В. Исаченко, Н. С. Авиловой и др.).

Термин «аспектуальность» в русском языкознании впервые был использован в 1967 г. А. В. Бондарко в книге «Русский глагол». Согласно данному определению, «аспектуальность – это категория, содержанием которой является характер протекания действия, а выражением – морфологические, словообразовательные и лексические средства при участии некоторых синтаксических элементов предложения» [1, с. 50]. Позже А. В. Бондарко уточнил данное им ранее определение и охарактеризовал аспектуальность как функционально-семантическое поле (ФСП) разноуровневых языковых средств, объединенных общими функциями. В качестве семантического ядра ФСП аспектуальности в славянских языках, по мнению ученого, следует рассматри-

вать глагольный вид, к которому примыкают способы глагольного действия, на периферии находятся лексически и синтаксически значимые языковые единицы, выражающие характер протекания действия во времени [2, с. 12].

В германистике понятие, тождественное существующему в русском языкознании понятию «аспектуальность», появилось в 70-е гг. XX в. В 1965 г. немецкий ученый В. Флемиг ввел термин «Aktionalität» и предложил понимать «под акциональностью глагола, его акциональным значением (от лат. *actio* 'действие', 'протекание'), языковое выражение вида, способа и нюансов протекания действия» [3, с. 7].

В 1972 г. шведским ученым С.-Г. Андерссоном было предложено использовать термин «акциональность» для описания акциональных взаимоотношений на уровне предельности/непредельности – аспект – способ глагольного действия (Aktionsart): «Я выбираю название акциональности для обозначения понятийной категории, включающей в себя вид и способ действия» [4]. Таким образом, в германистике термин «акциональность» стал синонимом существующего в русском языкознании понятия «аспектуальность».

В 1999 г., вслед за А. В. Бондарко, немецкий ученый Г. Шлегель дал более емкое определение категории аспектуальности и охарактеризовал ее как «функционально-семантическое поле, сгруппированное в сфере глагольного действия вокруг универсального языкового (семантического) признака предельности/непредельности» [5, с. 168]. По мнению Г. Шлегеля, данная категория охватывает все языковые средства разных уровней, которые обладают семантикой выражения протекания глагольного действия и его распределения во времени, наличие/отсутствие границы действия, формы достижения данной границы (достижение/недостижение предела к определенному моменту времени). К данным средствам, по мнению Г. Шлегеля, относятся аспект (как морфологическое ядро), терминативность/атерминативность (грамматико-семантический уровень), способы глагольного действия (лексико-семантический уровень), конкретные основы глаголов (лексический уровень).

В нашей статье, вслед за А. В. Бондарко, Г. Шлегелем, аспектуальность/акциональность мы понимаем как категорию, реализующую языковыми средствами вид, способ и нюансы протекания и распределения действия во времени и устроенную по принципу универсального функционально-семантического поля.

В славянских языках, в частности русском, ядром функционально-семантического поля аспектуальности является глагольный вид. К компонентам ФСП относятся предельные/непредельные глаголы, на базе которых образуются видовые пары, способы глагольного действия, лексические, синтаксические средства с аспектуальными функциями [1, с. 52].

Ядром ФСП аспектуальности в немецком языке является категория аспекта (Aspekt), представленная категориями перфективных/неперфективных глаголов, доминирующим компонентом поля – способы глагольного действия (Aktionsarten), на периферии находятся обстоятельственные показатели, синтаксические, контекстуальные средства, выражающие аспектуальные отношения.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей славянских языков трактуют вид как «систему противопоставленных друг другу рядов форм глагола: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное предельное целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного предельного целостного действия (глаголы несовершенного вида)» [6].

При этом в понимании категориальной сущности вида и видовой пары в славянских языках имеется ряд разногласий. Анализ научных трудов по данной проблематике показал, что основные разногласия возникают по следующим вопросам: 1) определение природы и сущности видовой пары; 2) следует ли считать вид грамматической, словоизменительной, словоклассифицирующей либо смешанной категорией. Рассмотрим несколько подробнее имеющиеся основные подходы к определению сущности категории вида и видовой пары.

Сторонники первого подхода (В. В. Виноградов, М. А. Шелякин, Г. Шлегель и др.), говоря об общности лексического значения членов видовых пар, считают их разными грамматическими формами одного и того же слова, а вид – грамматической категорией, выраженной словоизменительными средствами.

А. В. Исаченко, указывая на тот факт, что имперфективный и перфективный члены видовой пары имеют практически одинаковое лексическое значение и отличие между ними проявляется лишь через их аспектуальное грамматическое значение, предлагал рассматривать вид как словоформирующую категорию. Данной точки зрения придерживались также А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев, приводя в качестве подтверждения данной теории аргумент, что члены видовой пары не обладают одинаково устроенной парадигмой временных форм, нарушая тем самым принцип унификации парадигм, что не позволяет рассматривать вид как словоклассифицирующую категорию, а относит его к сфере словоизменения.

В соответствии с третьей концепцией (А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Ю. С. Маслов и др.) считалось, что вид представляет собой категорию смешанного типа, а члены видовой пары могут рассматриваться в зависимости от способа образования видовой пары либо как формы одного и того же слова (имперфективизация), либо как разные слова (перфективизация).

Сторонники следующей концепции утверждали, что глагольный вид является категорией, свойственной лишь славянским языкам, так как данная категория способна выражать определенные смысловые отношения, выражение которых в других языках возможно лишь при использовании дополнительных грамматических и лексических средств. Члены бинарной видовой оппозиции представляют собой разные, самостоятельные слова, образованные при помощи суффиксов и приставок, которые принадлежат к сфере словообразования, и, следовательно, вид следует считать грамматической словоклассифицирующей категорией. Перфективный член видовой пары является носителем аспектуального значения, содержит указание на достижение действием своего предела, т. е. является маркированным. Имперфективный член видовой оппозиции не имеет в своем значении указания на достижение предела и рассматривается как немаркированный член видовой пары. Данная точка зрения представлена в трудах Н. С. Авиловой, Е. В. Петрухиной, И. Г. Милославского, а также принята «Русской грамматикой-80».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, согласно имеющимся подходам к определению сущности категории вида и членов видовой оппозиции, вид в славянской языковой традиции принято понимать отчасти как словоизменительную, отчасти как словообразовательную, грамматическую категорию. Члены видовой пары являются маркированными/немаркированными совершенным/несовершенным видом. Маркированный член видовой пары всегда выражает наличие видового признака, немаркированный член оппозиции может выражать противоположное значение, либо оставаться нейтральным к коррелятивному признаку – не выражать и не отрицать его [6]. При этом следует подчеркнуть, что концепция определения категориальной сущности вида и видовой пары, принятая «Русской грамматикой-80», считается на данный момент доминирующей и, на наш взгляд, наиболее четко обоснованной.

Научные изыскания, посвященные изучению категории вида славянского глагола, послужили толчком к проведению исследований в области аспектологии германских языков. У истоков разработки вопроса о наличии в германских языках категории вида, адекватной категории вида в славянских языках, стояли Я. Гримм, В. Стефанович, К. Бругман, Г. Куртиус, И. Шмидт, В. Штрайтберг и другие ученые. Понимание вида славянского глагола как отношения действия к своему пределу было принято также и в германистике, в первую очередь, ввиду того, что оно соответствовало семантике немецкого глагола, выражающей стремление к пределу (перфективные глаголы). При этом существование вида как грамматической категории в немецком языке большинство аспектологов отрицают и признают его категорией специфической, отличной от категории вида в славянских языках, имеющей средства выражения, свойственные данному языку, а также предлагают говорить о существовании в немецком языке предельных и непредельных глаголов, или глаголов перфективной (*perfektive Verben*) и имперфективной (*imperfektive Verben*) видовой семантики соответственно. В качестве подтверждения данной теории в основном приводится следующий аргумент: категория вида немецкого глагола не может быть представлена в виде традиционной для славянских языков грамматической оппозиции совершенного/несовершенного вида.

Ряд отечественных лингвистов, занимающихся вопросами контрастивной грамматики (Б. М. Балин и др.), указывают также еще на одно кардинальное отличие видовой семантики немецких

глаголов от видового значения русских глаголов, которое заключается в неспособности немецких глаголов вне контекста выражать преодоленность действием своего внутреннего предела. Так, например, немецкому глаголу *lesen* соответствуют русские глаголы *читать* и *прочитать*, глаголу *aufstehen* – *вставать* и *встать*, что позволяет рассматривать видовую семантику немецкого глагола только в рамках контекста и системы времен. Мы согласны с приведенными выше аргументами, указывающими на отсутствие грамматической категории вида в немецком языке, и вслед за Г. Паулем, Г. Штольте, И.-Э. С. Рахманкуловой полагаем, что наиболее четкое проявление видовой семантики немецкого глагола возможно лишь в рамках контекста [7, с. 24].

С вопросом о сущности категориального значения глагольного вида в славянских и германских языках тесно связана проблема разграничения данной категории со способами глагольного действия (СГД), также характеризующими протекание действия во времени.

Понятие способа действия, или Aktionsart, было введено в 1908 г. польским лингвистом С. Агреллем, который первым предложил разграничить глагольный вид и способ действия, ограничив последний лексическим значением: «Под способом действия я понимаю [...] не две основные категории славянского глагола, которые выражают незавершенное и завершенное действие (имперфектив и перфектив), – их я называю аспектами (видами). Под термином «способ действия» я понимаю прежде никем не изученные – и, тем более, никем не классифицированные – семантические функции приставочных глаголов (так же как и отдельных глаголов, не имеющих приставок, и суффиксальных образований), которые конкретизируют тип и способ осуществления действия» [8, с. 78].

Несмотря на значительный вклад С. Агрелля в разграничение понятий вида и способа действия (Aspekt/Aktionsart), которые прежде рассматривались как синонимы, его теория долгое время оставалась без внимания. Лишь в 20 – 30-е гг. XIX в. теория, предложенная С. Агреллем, получила дальнейшее развитие в трудах Э. Кошмидера, который также указал на то, что при помощи способов глагольного действия могут быть выражены различные характеристики процессов, а каждому перфективному/имперфективному немецкому глаголу в славянских языках соответствует пара русских глаголов СВ/НСВ, что означает более сильную грамматикализацию аспекта (вида) и лексикализацию способа действия [9, с. 112].

Анализ теоретической литературы по данной проблематике позволяет говорить о существовании в современной лингвистике двух основных подходов к определению сущности отношений между категорией вида и СГД.

Согласно первому подходу, категория вида и акционсарты рассматриваются в разных семантических плоскостях. Способы действия при этом не считаются компонентом ФСП аспектуальности. Сторонниками данной теории считаются К. Ванн дер Хейде, Э. Кошмидер, А. Нурен, Г. Якобсон, М. Я. Гловинская и другие. Так, например, Г. Якобсон утверждал, что категория вида выражает различия в субъективном представлении о действии, тогда как способы действия – объективные различия, которые существуют в самих действиях [10].

В соответствии с другим подходом, СГД и категория вида имеют общую семантическую основу, что позволяет им взаимодействовать друг с другом. В соответствии с данным подходом, вид и СГД рассматриваются как составные части универсальной для всех языков функционально-семантической категории аспектуальности. Данный подход был использован в работах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, У. Швалль и других.

Занимаясь типологическим изучением глагольного вида и смежных с ним СГД, Ю. С. Маслов установил, что «в отличие от вида способы действия не представляют собой грамматических категорий, не образуют четких парадигматических противопоставлений, остаются в рамках лексических отличий между глаголами» и, по мнению ученого, могут быть определены как «некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [11, с. 11]. Позже Ю. С. Маслов высказал мысль, что СГД находятся в тесном взаимодействии с категорией вида и предложил изучать аспектуальные особенности разных групп глаго-

лов с учетом совместимости определенных черт их семантики с грамматическими значениями и функциями того или иного вида. По данному принципу им были выделены три разряда глаголов: 1) непарные глаголы несовершенного вида; 2) непарные глаголы совершенного вида; 3) соотнесенные по виду пары глаголов. Таким образом, Ю. С. Маслов установил, что каждый способ действия в русском языке имеет свои определенные видовые границы.

Разрабатывая теорию функционально-семантического поля, последователь Ю. С. Маслова А. В. Бондарко пришел к выводу, что «вид и способ действия принципиально отличаются друг от друга в плане выражения. Грамматическая категория вида в современном русском языке охватывает всю глагольную лексику. Противопоставление совершенного/несовершенного вида может проявляться внутри одной лексемы, в рамках одного лексического значения. Это противопоставление основано на системе средств выражения видовых значений» [1, с. 12]. Под СГД А. В. Бондарко понимал семантические группы глаголов, выделяемые по характеру протекания и распределения во времени глагольного действия и выделял 1) характеризованные (оттенки значений выражены формально); 2) непоследовательно характеризованные (сгруппированы чисто по семантическому критерию, не принимая во внимание наличие либо отсутствие формально выраженных признаков); 3) нехарактеризованные (не относящиеся ни к одной из двух предыдущих групп) способы действия. Взгляд А. В. Бондарко на непоследовательно характеризованные СГД в славянских языках как на семантические группы глаголов, не обязательно выраженные формально, также соответствует общепринятому пониманию категориальной сущности акционсартов в германистике.

Представитель Московской лингвистической школы Н. С. Авилова ставила под сомнение деление акционсартов на характеризованные и нехарактеризованные, предложенное А. В. Бондарко, и считала, что СГД обязательно должен быть выражен формально по сравнению с исходным глаголом, что, однако, по мнению ученого, не означает автоматического причисления СГД к словообразовательным категориям, а свидетельствует о том, что СГД является категорией, находящейся на стыке словообразования и видообразования [12, с. 76–78]. Под СГД Н. С. Авилова понимала деривационно-семантические группы глаголов, обладающие дополнительными характеристиками протекания действия по сравнению с исходным глаголом, и исключала тем самым из СГД группу нехарактеризованных глаголов, предложенную А. В. Бондарко.

Применение термина «Aktionsart» в германистике имеет свою собственную традицию. По мнению большинства исследователей, немецкий акционсарт не следует рассматривать как полный эквивалент способа действия в его традиционном понимании, принятом в славистике.

Употребление термина «Aktionsart» в германистике восходит к трудам немецкого филолога Г. Курциуса, который в 1852 г. в своей работе «Griechische Schulgrammatik» для определения характера хода действия наряду с понятием «Zeitstufe/временной отрезок» ввел понятие «Zeitart/временной характер».

Дальнейшему распространению термина «Aktionsart» в германистике способствовали труды немецких лингвистов, представителей младограмматического направления в языкознании В. Штрайтберга, Г. Пауля. В частности, в 1920 г. в работе «Deutsche Grammatik» Г. Паулем было предложено разграничение всей глагольной лексики на перфективные и имперфективные акционсарты. К имперфективным ученый предложил относить глаголы, не имеющие указания на внутренний предел действия, такие как *liegen-лежать*, *schlafen-спать*, к перфективным – *kommen-приходить*, *finden-находить* и другие. Таким образом, Г. Пауль понимал акционсарт очень широко и фактически предпринял попытку ввести в обиход в германистике понятие, аналогичное понятию «аспектуальность», предложенному позже А. В. Бондарко.

Некоторые отечественные лингвисты (М. А. Шелякин, И.-Э. С. Рахманкулова), разъясняя сущность понятий «аспект», «вид», «акционсарт» в русской и германской аспектологии, утверждали, что термин «акционсарт» используется в германистике для обозначения подтипов понятия предельности/непредельности. СГД И.-Э. С. Рахманкулова считает лексико-семантической категорией, которая служит «скорее возможности проявления нюансированности лексического значения» глаголов [7, с. 15–26].

Данной точки зрения придерживаются также германисты Э. Хентшель и Г. Уайдт, указывая на то, что в научной литературе не существует однозначного определения понятий «аспект» и «акционсарт», данные термины «используются в различных значениях, что, отчасти, привело к терминологической путанице... Под способом действия (акционсарт) чаще всего понимают чисто семантическую категорию, сходную с лексическим значением глагола и ... не выраженную морфологически. Так, например, немецкие глаголы *blühen* – *цветути*, *schlafen* – *спать* или *wachen* – *бодрствовать* являются имперфективными глаголами, выражающими длительное действие, процессы или состояния. Перфективными глаголами со значением ограничения действия, противопоставленными названным выше имперфективным, считались бы *verblühen* – *отцветать*, *einschlafen* – *засыпать*, *aufwachen* – *просыпаться*. Однако под СГД обычно понимают не перфективный или имперфективный способ действия, а дополнительные, более точные градации» [13, с. 36–37].

Таким образом, анализ теоретической литературы по проблеме соотношения вида и СГД позволяет сделать вывод, что большинство русистов и германистов разграничивают данные категории и считают, что понятия предельность/Aspekt для германских языков, вид и СГД/Aktionsart не совпадают полностью по своей сути. Вид в русском языке, языке словоклассифицирующей аспектуальной системы, представляет собой морфологическую категорию, выделяемую на основе признака предела и охватывающую всю глагольную лексику. В германских, в частности немецком, языках целесообразнее использовать термин «аспект», обозначающий универсальную семантическую категорию глагола. Под «аспектом» чаще всего понимают видение, восприятие действия говорящим. Ю. С. Маслов предлагал, чтобы «термин “(глагольный) вид (аспект)” фигурировал как термин общей грамматики, а термины “совершенный (перфективный) вид (аспект)”, “несовершенный (имперфективный) вид (аспект)”, “перфективность/имперфективность” – как термины частной славянской грамматики» [11]. В ряде исследований термины «вид» и «аспект» понимаются как синонимы.

Степень грамматикализации глагольного вида в русском языке значительно выше, чем в немецком языке, где данная категория не имеет четкого выражения. Акционсартные значения немецкого глагола на грамматическом уровне наиболее отчетливо проявляются при выборе вспомогательного глагола *haben/sein* при образовании форм прошедшего времени Perfekt/Plusquamperfekt непереходных глаголов: *wachen (haben) – erwachen (sein)*, *blühen (haben) – erblühen (sein)*. Еще одна особенность предельных глаголов заключается в том, что выраженное ими действие может обозначать признак, свойственный субъекту или объекту действия. Данной способностью обладают формы Partizip II, образованные от перфективных переходных глаголов. Формы Partizip II, образованные от имперфективных непереходных глаголов, в функции определения не употребляются: *der kommende Mensch – der gekommene Mensch*, но: *der gehende Mensch – Partizip II gegangen* не употребляется. Таким образом, аспектуальная оппозиция совершенность/несовершенность (*unvollzogen/vollzogen*) в немецком языке особенно четко проявляется лишь в системе причастий.

Глаголы совершенного вида в русском языке и перфективные глаголы в немецком языке отражают фокусирование внимания говорящего на пределе действия. Русские глаголы несовершенного вида и немецкие имперфективные глаголы указывают на отсутствие такого предела и, следовательно, на длительность действия. Лексической базой видового противопоставления в русском языке являются терминативные/предельные глаголы [14, с. 394].

СГД в русском языке представляют собой особенности акциональных значений отдельных групп глаголов, которые выражают тип протекания действий по отношению к пределу их осуществления во времени и выделяются на основе общности лексико-семантических характеристик протекания действия, таких как 1) начинательность; 2) финальность; 3) ограничение временным пределом; 4) одновременность/последовательность действия; 5) степень интенсивности; 6) дискретность; 7) дистрибутивность; 8) результативность (эффektivность).

Способы действия каждого из типов взаимодействуют с категорией вида. В нашей работе мы придерживаемся классификации способов глагольного действия, предложенной «Русской грамматикой-80», в которой СГД представлены 21 разновидностью [6]. Глаголы данных групп СГД

могут быть маркированными совершенным видом, несовершенным видом, а также представлять собой глаголы, которые могут образовывать видовые пары в результате имперфективизации, либо являться глаголами с определенным видовым значением СВ или НСВ, образуя группу немаркированных СГД [15, с. 30].

В немецкой лингвистической литературе акционсарты рассматриваются как сложное явление. Под немецким акционсартом большинство германистов (Х. Бринкман, В. Флемиг, Г. Хельбиг, Й. Эрбен, М. Дейчбейн) понимают лексико-семантическую категорию, выражающую характер протекания и распределения действия во времени и входящую в состав универсальной функционально-семантической категории аспектуальности. Немецкие перфективные и имперфективные глаголы большинство исследователей предлагают рассматривать как разные лексические единицы, не являющиеся членами видовой оппозиции. Характер способов действия зависит от семантики глагольных основ. Большое значение при отнесении глагола к тому или иному способу действия имеют контекстуальные средства (*stehlen*: durativ – *Er stiehlt*: durativ – *Er stiehlt eine Traube*: nicht-durativ).

Несмотря на наличие в немецком языке суффиксов и приставок, которые могут выражать акциональные отношения, большинство отечественных и зарубежных германистов считают, что немецкий язык, в отличие от русского, не обладает достаточной парадигмой форм для выражения способов действия, сопоставимой по объему с русским языком, ввиду чего немецкие акционсарты в классических грамматиках менее четко дифференцированы, чем русские СГД, что, по мнению И.-Э. С. Рахманкуловой, объясняется также еще и их более тесной связью с категорией предельности/непредельности, чем это наблюдается у русских СГД, которые в основном базируются на противопоставлении СВ/НСВ [7, с. 24]. В большинстве специальных исследований, в классических грамматиках немецкого языка трактовка акционсартов и классификация их значений даются на основе семантического критерия. Количественный состав немецких акционсартов в трудах разных авторов составляет от 5 (Дуден; В. Флемиг), 7 (Г. Хельбиг/Й. Буша), 8 (Э. Хентшель/Г. Уайдт), 9 (В. Шмидт), до 10 (И.-Э. С. Рахманкулова). При этом имеющиеся классификации не противоречат, а дополняют друг друга. В нашей статье мы берем за основу наиболее подробную, на наш взгляд, классификацию немецких акционсартов, предложенную в докторской диссертации И.-Э. С. Рахманкуловой, которая в свою очередь построена на основе классификаций СГД, представленных в классических немецких грамматиках, и различаем имперфективные и перфективные глаголы, включающие в себя инхоативный, ингрессивный, эгрессивный, моментативный, каузативный, мутативный, итеративный, диминутивный и интенсивный акционсарты [16].

Очевидно, что немецкие акционсарты представлены значительно меньшим количеством типов по сравнению с русским СГД. Такие способы действия, как дистрибутивный, кумулятивный и другие СГД, представленные в русском языке, не упоминаются в классических немецких грамматиках, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что немецкие акционсарты более абстрактны по своему содержанию по сравнению с четко дифференцированными СГД русского глагола. Таким образом, рассмотрение способов действия немецкого глагола как «таких семантико-словообразовательных группировок глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально-результативных характеристик» в рамках предложенной «Русской грамматикой-80» классификации СГД [6, с. 594], наш взгляд, не представляется возможным ввиду отсутствия в немецком языке системы аффиксов, сопоставимой с системой аффиксов русского языка.

Однако анализ глагольной лексики корпуса текстов русской художественной литературы в переводе на немецкий язык показал, что такие лексико-семантические характеристики протекания действия, как кратность, ограничение временным пределом, одновременность/последовательность действия, дискретность, дистрибутивность, присущие русскому глаголу, могут проявляться и в немецком языке в рамках определенной аспектуальной ситуации через сочетание имперфективного или перфективного глагола и аспектуально значимых средств контекста, лексических маркеров. Так, например, русскому глаголу *погулять*, относящемуся к ограничитель-

ному подтипу темпоральных СГД, в немецком языке будет соответствовать сочетание имперфективного глагола *spazieren gehen* – гулять и наречия *eine Weile* – некоторое время.

При выявлении особенностей значений и функционирования СГД в языках с видовым (русском) и безвидовым (немецком) статусом взгляд на русские СГД и немецкие акционсарты как основные компоненты универсальной функционально-семантической категории аспектуальности, с нашей точки зрения, позволяет при установлении средств выражения немецких акционсартов не ограничиваться лишь словоизменением, а рассматривать также пути их реализации на уровне сочетания, предложения.

В нашей статье при сопоставительном исследовании СГД в русском и немецком языках и описании средств выражения немецких акционсартов мы будем придерживаться точки зрения Л. Б. Гарифуллина, который предлагает при классификации СГД исходить из «главного аспектуального значения» глагольной лексемы или фраземы и выделяет основные (предельные и неопредельные с характеристиками фазовости, повторяемости, длительности) и дополнительные, характеризующие побочные моменты действия (делимитативность, диминутивность) СГД [17, с. 110–116].

Понимая способ действия/*Aktionsart* в немецком языке как «лексико-семантическую категорию, характеризующую течение, ход действия и не обязательно выраженную формально» [18, с. 22–23], к основным СГД в немецком языке мы относим перфективные и имперфективные глаголы, сгруппированные по признакам фазовости, степени интенсивности, повторяемости действия, характера достижения действием результата. Данные признаки присущи акционсартам уже во внеситуативном употреблении и выражены на уровне глагола через его семантику, деривационно-морфологическими средствами.

Рассматривая аспектуальные значения внутри ситуации с целью выявления аспектуальных универсалий, которые могли бы послужить основой сопоставительного анализа средств выражения СГД в разносистемных языках на материале глагольной лексики корпуса параллельных текстов, под дополнительными СГД мы будем понимать немецкие перфективные и имперфективные акционсарты со значениями кратности, ограничения временным пределом, дискретности, дистрибутивности, одновременности/последовательности протекания действия, которые в сочетании со средствами других языковых уровней проявляют модификацию своего акционального значения по сравнению с исходным глаголом. Данные значения при этом могут проявляться на уровне глагола, сочетания, предложения и могут быть выражены формально, а также взаимодействием различных контекстно реализованных именных и глагольных характеристик хода действия.

Ввиду отсутствия единой классификации СГД в русистике и германистике, с целью установления общего основания для сравнения и последующего выявления закономерных соответствий либо несоответствий в характере выражения хода глагольного действия в русском и немецком языках иерархия значений немецких акционсартов в сопоставлении с русскими СГД, построенная на основе классификаций значений СГД, предложенных для немецкого языка в грамматиках (Дуден, Г. Хельбиг/Й. Буша; В. Шмидт), в научных трудах У. Швалль [19, с. 94–96], И.-Э. С. Рахманкуловой, для русского языка – «Русской грамматикой-80», на наш взгляд, может быть представлена следующим образом (таблица).

Как следует из таблицы, мы выделяем следующие группы СГД для русского и немецкого языков: 1) временные; 2) количественные; 3) специально-результативные, которые отличаются своим общим значением и уточняют: а) характер протекания и распределения действия во времени; б) количественно-временной характер действия; в) характер достижения результата. Каждая из трех групп СГД представлена в сопоставляемых языках примерно одинаковым количеством типов и подтипов СГД, которые в обоих языках проявляют сходство на уровне лексического значения.

Группу временных СГД в русском языке формируют 6 подтипов, количественных – 10, специально-результативных – 5 подтипов. В немецком языке временные акционсарты представлены 4 основными и 2 дополнительными подтипами, количественные – 3 основными и 7 дополнительными, специально-результативные – 3 основными и 6 дополнительными подтипами.

Способы глагольного действия/Aktionsarten в русском и немецком языках в отношении к виду и предельности (от русского языка к немецкому)
 Manners of verbal action/ Aktionsarten in Russian and German in relation to verbal aspect and telicity (from Russian to German)

СГД	Тип СГД	РЯ			НЯ		Предельность	
		Подтип СГД	Вид	Терминативность	Подтип СГД			
					основной	дополнительный		
I. СГД с временным, фазовым значением/ Aktionsarten mit Phasenbedeutung: характеризуют определенный временной отрезок протекания действия (начало, продолжительность, завершение действия)	Начинательный:	инхоативный: <i>забегать, заездить</i>	СВ	+	инхоативный/ / inchoative/ inzerptive Aktionsart (постепенное начало действия): <i>erblihen, einschlafen</i>	дополнительный	перфектив	+
		ингрессивный: <i>поехать, побегать</i>	СВ	+	ингрессивный/ ingressive/ initive Aktionsart (внезапное начало действия): <i>aufbrüllen, aufspritzen</i>		перфектив	+
	Ограничительный:	уменьшительно-ограничительный: <i>погулять, поездить*</i> , <i>заходить</i> → <i>захаживать**</i>	СВ, СВ/НСВ	+/–	делimitативный/ delimitative Aktionsart (небольшой временной отрезок действия в средней фазе): <i>eine Weile spazieren gehen</i>		перфектив	+
		длительно-ограничительный: <i>пролазить, проговорить*</i> , <i>проводить</i> → <i>провождать**</i>	СВ, СВ/НСВ	+/–	пердуративный/ perdurative Aktionsart (продолжительный отрезок действия в средней фазе): <i>sich die ganze Nacht hindurch unterhalten</i>		перфектив	+
Финитивный:		эгрессивный: <i>отъездить*</i> , <i>относить</i> → <i>отнашивать**</i>	СВ, СВ/НСВ	+/–	эгрессивный/egressive/ finitive/resultative Aktionsart (конец действия): <i>erjagen, verblihen</i>		перфектив	+
		финитно-прагматический (конец возможности реализации действия): <i>отвышивать, отгулять</i>	СВ	+	точечный, или моментативный /punktuelle/ momentane Aktionsart (одномоментное действие): <i>plätzen, erblicken, finden</i>		перфектив	+

2. СГД с количественным значением/ Aktionsarten mit quantifizierender Bedeutung выражают модификацию действия относительно его интенсивности (возрастание/ снижение) и количества (однократное/ многократное)	Одно-актный:	однократный: <i>сбогатъ, зевнуть, сслужить* ехать, лететь***</i>	СВ, НСВ	+ -		семельфактивный/ semelfaktive Aktionsart (однократное действие, ограниченное определенным моментом времени): <i>einmal gähnen, eine Dummheit begehen</i>	перфектив	+
		смягчительный: <i>подбежать, подъехать, попрыгивать, попридержать*, недова-рить</i> → <i>недоваривать**</i> уменьшительный: <i>надкусить</i> → <i>надкусывать**</i>	СВ, СВ/ НСВ, НСВ	+ +/-		дминутивный/ diminutive/ attenuative Aktionsart (повторяющееся действие ослабленной интенсивности): <i>angelaufen, kommen, herbeilaufen, heranzufahren, sich allmählich gewöhnen, leicht festhalten, anbeißen</i>	перфектив	+
		многократный: <i>ездить, носить, бегать</i>	НСВ	-	итеративный, или фре-квентативный/ iterative/ frequentative/ multiplicative Aktionsart (повторяющееся действие): <i>flattern, zu sagen pflegen, rennen und rennen</i>	имперфектив	-	
Много-актный:	сопроводительный: <i>притопывать, прищипывать***, сопроводить</i> → <i>сопровождать**</i>	НСВ, СВ/ НСВ	- +/-		совместный/ komitative Aktionsart (сопутствующее действие низкой интенсивности): <i>dabei etwas flüstern</i>	имперфектив	-	
	длительно-ослабленный: <i>напевать, помакивать</i>	НСВ	-		длительно-ослабленный/perdurative diminutive Aktionsart: <i>vorsingen, den Mund halten</i>	имперфектив	-	
	прерывисто-смягчительный: <i>помешивать, покашливать</i>	НСВ	-	дминутивный/ diminutive/attenuative Aktionsart (повторяющееся действие ослабленной интенсивности): <i>hüstel, lächeln, tänzeln</i>	имперфектив	-		

Продолжение таблицы

СГД	Тип СГД	РЯ			НЯ		Перфективная/ имперфективная видовая семантика	Предел- ность
		Подтип СГД	Вид	Термина- тивность	Подтип СГД			
					основной	дополнительный		
		длительно-дистрибу- тивный: <i>раздумывать</i> , <i>распевать</i>	НСВ	–	основной	длительно-дистрибу- тивный/perdurativ- distributive Aktionsart: <i>grübeln, sich (Dat.) den Kopf zerbrechen</i> , <i>vorsingen</i>	имперфектив	–
		осложненно-интенсив- ный: <i>отплевывать</i> , <i>вызывивать</i>	НСВ	–	интенсивный/ intensive/ augmentative Aktionsart (повторяющееся дей- ствие высокой интен- сивности): <i>sausen, besonders kunstvoll läuten</i>		имперфектив	–
						осложненно-интенсив- ный/kompliziert- intensive Aktionsart (действие, выполнение которого требует при- ложения усилий): <i>immer wieder umständlich ausführen, sorgfältig zeichnen</i>	имперфектив	–
		длительно-взаимно- дистрибутивный: <i>перешептываться</i> , <i>пересмеиваться</i> ***	НСВ	–		взаимный/ mutuelle Aktionsart (взаимдей- ствие двух или более субъектов): <i>einander beschimpfen, miteinander flüstern</i>	имперфектив	–
3. СГД со специально-ре- зультативным значением/ Aktionsarten mit spezial- resultativer Bedeutung: выражают достижение действием определенного результата		Накопительно- суммарный: <i>на- обещать, нона- везти, обойти*</i> ; <i>объезжать**</i>	СВ, СВ/ НСВ	+ +/-		кумулятивный/ kumulative Aktionsart (достижение определен- ной меры в результате выполнения действия): <i>eine Menge Dinge versprechen</i>	перфектив	+

	Дистрибутивный/ распределительный: <i>повыгонять*</i> , <i>перетаскать</i> → <i>перетаскивать**</i>		СВ, СВ/ НСВ	+ +/-		объектно-дистрибутивный/ <i>objekt-distributive Aktionsart</i> (действие, последовательно охватывающее несколько объектов): <i>alle Türen nacheinander schließen</i>	перфектив	+
	Интенсивный: <i>проезжиться**</i> , <i>выбегаться*</i> , <i>добежаться*</i> , <i>выездить</i> → <i>выезживать**</i>		НСВ, СВ, СВ/ НСВ	- + +/-		интенсивно-результативный/ <i>intensiv-resultative Aktionsart</i> (интенсивное, исчерпывающее выполнение действия): <i>ganz Frankreich abklappern</i>	перфектив	+
	Комплетивный тип: <i>подползти</i> , <i>добежать*</i> , <i>дотаскать</i> → <i>дотаскивать**</i>		СВ, СВ/ НСВ	+ +/-		завершительный/ комплетивный/ <i>egressive/kompletive Aktionsart</i> (завершительная фаза+ результат): <i>aufessen, das Essen beenden</i>	перфектив	+
	Терминагивный: <i>прогнать*</i> , <i>обходить</i> → <i>обхаживать**</i>		СВ, СВ/ НСВ	+ +/-		терминагивный/ <i>terminative Aktionsart</i> (длительность + результат): <i>das Singen beendigt haben, durchdonnern</i>	перфектив	+

Окончание таблицы

СГД	Тип СГД	РЯ			НЯ		Перфективная/ имперфективная видовая семантика	Предель- ность
		Подтип СГД	Вид	Термина- тивность	Подтип СГД			
					основной	дополнительный		
					каузативный, или фак- титивный /kausative/ faktitive/ transformative Aktionsart (переход в другое состо- яние, инициированный кем-либо, чем-либо): <i>öffnen, beugen, sprengen, fällen</i>	перфектив	+	
					мутативный/mutative/ transformative Aktionsart (переход из одного со- стояния в другое): <i>rosten, erkranken, reifen</i>	перфектив	+	
					орнативный/ornative Aktionsart (глаголы обладания и снабже- ния): <i>beschriften, vergolden, herausfinden</i>	перфектив	+	

Примечание. + терминативность/предельность; – нетерминативность/непредельность; * непарные глаголы СВ; ** парные глаголы; *** непарные глаголы НСВ.

В результате исследования установлено, что СГД в русском языке (21) и все немецкие акциосарты (10 основных и 15 дополнительных) являются носителями конкретной видовой, перфективной/имперфективной семантики, проявляющейся через отношение действия к своему внутреннему пределу. Совершенностью, терминативностью в русском языке характеризуются глаголы 3 подтипов (инхоативного, ингрессивного, финитно-прагматического), маркированными несовершенным видом являются глаголы 3 подтипов количественных СГД (длительно-дистрибутивного, многократного и осложненного). Остальные СГД (15) представлены терминативными/нетерминативными глаголами, которые могут образовывать видовые пары в результате имперфективизации, и глаголами с определенным видовым значением СВ или НСВ.

В немецком языке к перфективным способам действия, характеризующимся предельностью, относятся 7 основных (инхоативный, ингрессивный, эгрессивный, моментативный, каузативный, мутативный, орнативный) и 10 дополнительных (делимитативный, пердуративный, семельфактивный, диминутивный, кумулятивный, объектно-дистрибутивный, субъектно-дистрибутивный, интенсивно-результативный, завершительный, терминативный) акциосартов. Имперфективными непредельными являются 3 основных (итеративный, диминутивный, интенсивный) и 5 дополнительных (совместный, длительно-ослабленный, длительно-дистрибутивный, осложненно-интенсивный, взаимный) акциосартных типов.

При отнесении глагола к тому или иному способу также необходимо принимать во внимание тот факт, что некоторые как русские, так и немецкие акциосарты, такие, например, как глаголы финитивного и комплетивного, накопительно-суммарного и интенсивного и других типов, обнаруживают взаимосвязь на уровне лексического значения, ввиду чего могут быть причислены к разным СГД.

Заключение. Таким образом, при сопоставительном изучении и описании СГД и средств их выражения в разносистемных языках способы действия/Aktionsarten мы считаем целесообразным рассматривать в рамках универсальной лексико-семантической категории аспектуальности. Под немецкими акциосартами в данном исследовании мы понимаем акционально окрашенные особенности лексических значений глаголов, характеризующие распределение во времени предельного/непредельного действия, которые могут быть выражены как модифицирующими морфемами, так и дополнительными лексическими, синтаксическими средствами, не имеющими в немецком языке, в отличие от русского, системного характера.

Лексически выраженное отношение действия к своему внутреннему пределу мы, вслед за большинством германистов, рассматриваем как аспект/Aspekt (*imperfektiver Aspekt/perfektiver Aspekt*). Анализ видового значения в русском и немецком языках позволяет сделать вывод о том, что категория вида непосредственно связана с универсальной лексико-семантической категорией предельности/непредельности: НСВ в русском языке и имперфективная видовая семантика в немецком языке характеризуются непредельностью, тогда как СВ и перфективная видовая семантика выражают предельность. Подразделение всех немецких акциосартов на имперфективные/непредельные и перфективные/предельные свидетельствует о том, что способы действия в немецком языке представляют собой основу для выражения совершенности/несовершенности в рамках определенного аспектуально окрашенного контекста.

Завершая рассмотрение различных аспектологических направлений, отражающих разное восприятие вида и СГД, хотелось бы подчеркнуть, что к выявлению и определению семантики данных категорий в разносистемных языках можно идти различными путями: анализировать, с одной стороны, семантику глаголов разных видов, с другой – их сочетаемость и текстовые функции. Проведенное исследование свидетельствует о том, что универсальной базой для сопоставления при этом может выступать лексико-семантическая категория аспектуальности, в области которой наиболее четко проявляются аспектуальные универсалии, присущие разносистемным языкам.

Список использованных источников

1. Бондарко, А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин; под ред. Ю. С. Маслова. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
2. Бондарко, А. В. Введение. Аспектуальность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. – М., 1987. – С. 3–93.
3. Flämig, W. Zur Funktion des Verbs. III. Aktionsart und Aktionalität / W. Flämig // Deutsch als Fremdsprache. – № 2; Herder Institut der K.-M.-Universität. – Leipzig, 1965. – S. 4–12.
4. Andersson, S.-G. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. Bd. L. Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen / S.-G. Andersson. – Uppsala, 1972. – 248 s.

5. Schlegel, H. Zur Rolle der Terminativität/Aterminativität (T/A) im Aspekt und Aspektbildungssystem der russischen Sprache der Gegenwart / H. Schlegel. – München: Sagner, 1999. – 240 s.
6. Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
7. Рахманкулова, И.-Э. С. К вопросу о теории аспектуальности / И.-Э. С. Рахманкулова // Вопр. языкознания: науч. сб. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под ред. Т. М. Николаевой (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2004. – Вып. 1. – 2004. – С. 3–28.
8. Agrell, S. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte / S. Agrell. – Lund: Lunds universitets arsskrift, 1908. – 157 s.
9. Кошмидер, Э. Очерки науки о видах польского глагола / Э. Кошмидер // Вопр. глагольного вида. – М., 1962. – С. 105–166.
10. Якобсон, Г. Из рецензии на книгу Я. Вакернагеля «Лекции по синтаксису» / Г. Якобсон // Вопр. глагольного вида. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 39–41.
11. Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
12. Авилова, Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
13. Hentschel, E. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. – Berlin; New York: de Gruyter, 1994. – 460 s.
14. Виноградов, В. В. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 717 с.
15. Кавалёнак, С. В. Спосабы дзеяслоўнага дзеяння і дзеяслоўнае словаўтварэнне ў беларускай і рускай мовах: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01; 10.02.02 / С. В. Кавалёнак. – Мінск, 2008. – 173 с.
16. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin: Volk und Wissen, 1973. – 332 s.
17. Гарифуллин, Л. Б. Акциональный уровень категории аспектуальности / Л. Б. Гарифуллин // Вопросы романо-германского языкознания. Вып. II, ч. II: материалы межвуз. конф. – Челябинск, 1971. – С. 104–120.
18. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Akademie-Verlag, Berlin, 1963. – 226 s.
19. Schwall, U. Aktualität: Eine semantisch-funktionelle Kategorie / U. Schwall. – Tübingen: Günter Narr Verlag, 1991. – 453 s.

References

1. Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russian verb*, in Maslov Iu. S. (ed). Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 192 p. (in Russian)
2. Bondarko A. V. Introduction. Aspectuality, in Bondarko A. V., Sheliakin M. A., Khrakovskii V. S., Nedialkov V. P. *Teoriia funkcional'noi grammatiki* [Theory of functional grammar], in Bondarko A. V. (ed). Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 3–93. (in Russian)
3. Flämig W. Zur Funktion des Verbs. III. Aktionsart und Aktionalität. *Deutsch als Fremdsprache*, no. 2. Leipzig, Herder Institut der K.-M.-Universität Publ., 1965, pp. 4–12.
4. Andersson S.-G. *Aktionalität im Deutschen. I: eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem*. Stockholm, Uppsala: Almqvist & Wiksell Publ., 1972. 248 p.
5. Schlegel H. *Zur Rolle der Terminativität/Aterminativität (T/A) im Aspekt und Aspektbildungssystem der russischen Sprache der Gegenwart*. München, Sagner Publ., 1999. 240 p.
6. *Russian grammar: 2 vol. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p. (in Russian)
7. Rakhmankulova I. E. S. Some thoughts on the theory of aspectuality. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 2004, no. 1, pp. 3–28. (in Russian)
8. Agrell S. *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeit-worte*. Lund, Lunds universitets arsskrift Publ., 1908. 157 p.
9. Koshmider E. The Essay of science dealing with aspect of the Polish verb. *Voprosy glagol'nogo vida : sbornik* [Questions of the verb form: a collection], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literary Publ., 1962, pp. 105–166. (in Russian)
10. Iakobson G. From the review of book by Ya. Vakernagel “Lectures on a syntax”. *Voprosy glagol'nogo vida : sbornik* [Questions of the verb form: a collection], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literary Publ., 1962, pp. 39–41. (in Russian)
11. Maslov Iu. S. *The Essays on aspectology*. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1984. 263 p. (in Russian)
12. Avilova N. S. *The verbal as-pect and semantic of verbal word*, in Barkhudarov S. G. (ed). Moscow, Nauka Publ., 1976. 328 p. (in Russian)
13. Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin; New York, de Gruyter Publ., 1994. 460 p.
14. Vinogradov V. V. *Grammatical studies about the word*, 4nd ed. Moscow, Russkii iazyk Publ., 2001. 717 p. (in Russian)
15. Kavalenak S. V. The manners of verbal action and verbal word-formation in the Russian and Belarussian languages, Ph. D. Thesis, Russian language, Belarussian language, Institute of Language and Literature named after Yakub Kolas and Yanka Kupala. Minsk, 2008, 173 p. (in Belarussian)
16. Schmidt W. *Grundfragen der deutschen Grammatik*. Berlin, Volk und Wissen, 1973. 332 p.
17. Garifullin L. B. The ac-tional level of the aspectuality category. *Voprosy romano-germanskogo iazykoznaniiia: Materialy Mezhdvuzovskoi konferentsii* [Questions of Romance and Germanic Linguistics: Proceedings of the Inter-University Conference]. Chelyabinsk, 1971, Issue 2, part 2, pp. 104–120. (in Russian)
18. Erben J. *Abriss der deutschen Grammatik*. Berlin, Akademie-Verlag Publ., 1963. 226 p.
19. Schwall U. *Aspektualität: Eine semantisch-funktionelle Kategorie*. Tübingen, Günter Narr Verlag Publ., 1991. 453 p.

Информация об авторе

Алимпиёва Елена Викторовна – аспирант, старший преподаватель кафедры мировых языков. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (пр. Московский, 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: elena.alimpiyeva@gmail.com

Information about the author

Alena V. Alimpiyeva – Postgraduate Student, Senior Lecturer of the Chair of World Languages, Vitebsk State P. M. Masherov University (33 Moskovskiy Ave, Vitebsk 210038, Belarus). E-mail: elena.alimpiyeva@gmail.com